

ФИЛОЛОГИЯ

Скибин Сергей Михайлович

д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный
педагогический университет»
г. Оренбург, Оренбургская область

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА БАТАЛЬНОЙ ОДЫ В ЛИРИКЕ И.И. ДМИТРИЕВА

Аннотация: данная статья посвящена проблеме эволюции батальной оды в лирике И.И. Дмитриева в 90-е гг. XVIII века. Автор статьи показывает, как под влиянием сентиментализма менялись эстетические воззрения поэта.

Ключевые слова: классицизм, сентиментализм, жанр, ода, батальная тема, батальная ода, И.И. Дмитриев.

Бранить оду вошло в моду довольно рано, что стало едва ли не признаком хорошего литературного вкуса. Однако литераторы, чувствуя недостатки этого жанра, не в состоянии были предложить иную жанровую модель для воплощения батальной темы. Их остроумное брюзжание, увы, не расширяло перспективы продуктивного развития батальной лирики. Уступая соблазну присоединиться к хору хулителей оды, необходимо прислушаться к мнению Пушкина: «Ныне вошло в моду порицать элегии – как в старину старались осмеять оды; но если вялые подражатели Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из этого еще не следует, что роды лирический и эпический должны быть исключены из рядных книг поэтический олигархии» [4, т. 11, с. 50]. В то же время в жанре оды на равных говорить с царями, говорить истину с улыбкой, тем более поучать их, позволялось далеко не каждому. Когда при чтении батальной оды Державина «На взятие Варшавы» секретарь императрицы В.С. Попов ошибся в ударе в стихах: «Бессмертная Екатерина! Куда? И что еще? – Уж полно (вместо «уже полна»))» [2, т. 1, с. 451], то императрица, усмотрев в этом непрошенный совет, прогневалась. И в общем-то верноподданническая ода до конца ее жизни не печаталась. Не могли даже такие строки, как:

Я всему предпочитаю

За Отечество лить кровь;

Я Плену забываю
И пою к нему любовь.
Славься сим Екатерина,
О великая жена! [2, т. 1. с. 448]

К середине 90-х годов батальная ода теряет свою былую значимость. Некогда ведущий лирический жанр воспринимается как удобный трафарет для бездарных льстецов. Эта мысль получила воплощение в сатире И. Дмитриева «Чужой толк» (1794), где поэт высмеивает одописцев, кропающих произведения «в двести строф», в которых хотя и соблюдены все правила классицизма, но сами творения никуда не годятся:

Возьму ли, например, я оды на победы,
Как покорили Крым, как в море гибли шведы;
Все тут подробности сраженья нахожу,
Что было, как, когда, – короче я скажу:
В стихах реляция! прекрасно!.. а зеваю! [3, с. 113–114]

Если античные поэты получали от Рима лишь венок, а от веков бессмертие, – то «наших многих цель – награда перстеньком, /Нередко сто рублей иль дружество с князьком...» [3, с. 115]. Современный одописец становится не только рабом «социального заказа», но часто его чувствами движет лишь мелкая корысть и едва прикрытая лесть. Одический поэт теряет таким образом важнейшее качество – независимость.

Сторонник сентиментализма, Дмитриев утверждал, что основу лирического произведения и – в частности – оды должна составлять не внешняя мишура громких оборотов, не грандиозность сравнений, но выражение внутреннего мира поэта, голос его сердца:

Кто в громкий славою Екатерины век
Хвалой ему сердец других не восхищает
И лиры сладкою слезой не орошает,
Тот брось ее, разбей, и знай: он не поэт! [3, с. 118]

Иначе говоря, возвышенная лирическая эмоция получает право на существование как художественный факт, лишь обретя согласный отзвук в сердцах читателей. Однако в силу традиции эмоционально перегруженный жанр батальной оды к инъекциям сентименталистов был мало предрасположен. Сохранив основы жанра, найти путь к чувствительным сердцам пытался Дмитриев и в оде «На мир с Оттоманскою Портою» (1792), создавая идиллические картины мира:

Там воины поют походы
В кругу внимающих отцов
Иль составляют хороводы
С толпой пастушек, пастухов... [3, с. 289]

Этот опыт поэта показал, что если идиллические мотивы еще кое-как сочетались с изображением наступившего мира, то батальные победы требовали других красок и образов. Дмитриев стремится модернизировать традиционную оду, снизив аллегоричность образов и риторическую громкость, тем самым пытаясь открыть дорогу чувству частного человека. «Глас патриота на взятие Варшавы» (1794) наглядно продемонстрировал, что сентименталистской революции на этом пути в жанре оды не совершить; несколько усовершенствованная, ода оставалась в рамках традиционного жанра.

Дмитриеву удалось другое: расширить сферу художественного воздействия оды. Создавая панорамный образ могущества России, он видит залог ее побед в многонациональном единстве:

Тавридец, чтитель Магомета,
Поклонник идолов калмык,
Башкирец с меткими стрелами,
С булатной саблею черкес
Ударят шумно вслед за нами
И прах поднимут до небес! [3, с. 74]

Отсюда восстание в Польше воспринимается им как преступление не только против Екатерины, но против всех народов России. И как бы в оправдание позиции своей страны в «старом споре славян» Дмитриев создает произведение

«Освобождение Москвы» (1795), которое первоначально называлось «Пожарский». Но эпической поэмы не получилось, как не получилось и оды, ибо сам главный герой был отодвинут на второй план все той же темой национального и социального единства («И князь, и ратай, и стар и млад – /Всё в крепку броню ополчалось!») [3, с. 84]. Еще звучат в произведении традиционные для оды ноты «Восторг, восторг я ощущаю! Плаю духом и лечу!» [3, с. 84], но это было уже произведение другого рода (Дмитриев назвал его «поэмкой»). Успех поэта был обусловлен тем, что ему удалось придать образу автора конкретно-личностное, даже автобиографическое начало, что, однако, не столько усовершенствовало жанр, сколько разрушало его. Это был прорыв традиционной для оды темы к новым жанровым формам. На переходную жанровую специфику произведений Дмитриева обратили внимание уже современники. П.А. Вяземский в предисловии к изданию стихотворений Дмитриева давал высокую оценку его батальным произведениям и, определяя жанр, отмечал, что их «приличнее назвать лирическими поэмами, нежели одами» – в этом он видел новаторство Дмитриева: «наш поэт умел себе присвоить род, еще не испытанный ни Ломоносовым, ни Петровым, ни Державиным... «Ермак», «Освобождение Москвы», «Глас патриота» исполнены огня поэтического и, что еще лучше, если оно в таком случае не одно и то же, огня любви к отечеству, не сей любви голубой, которая более охлаждает душу читателей, но любви возвышенной, переливающей в других пламень животворный, коим она согревается. Тут лирик, напрягши ум, наморщивши чело, не карабкается на ходули восторга, даже не искусственного, не заменяет плоскости тщедушного своего предмета пухлостью выражений; но возвышается наравне с ним и заимствует свой жар от чувства, которое им овладело» [1, ч. 1, с. XXII]. Вяземского восхищало то, что у Дмитриева не жанр определяет чувства, но чувства – жанр. Поэту удалось передать в своих произведениях не только эволюцию эмоции, характерную для оды, и не только развитие событий, отличающих эпическую поэму, но динамику батального действия: «В «Освобождении Москвы» более движения и действия, чем в нескольких песнях Россияды» [1, ч. 1, с. XXIII]. Сознательно употребляя образность, близкую поэтике Ломоносова, Дмитриев

пытается осовременить ее. Лишенные излишней метафоричности, конкретные фрагменты боя сочетаются в его изображении с чувственным восприятием их современниками, что и определяет эмоциональный тон произведения:

Пирует смерть и ужас мечет
 Во град, и в доли, и в леса!
 Там дева юная трепещет;
 Там старец смотрит в небеса [3, с. 85]

К концу 90-х годов Дмитриев отходит от батальной тематики. И причину этого сам поэт склонен видеть в изменившихся условиях жизни, в новых потребностях времени и литературы. В стихотворении «К графу Румянцеву» (1798), вспоминая минувшее – подвиги его отца, Дмитриев пишет о себе:

Я бедный ратник был, не боле,
 И видел не Парнас, но ратное лишь поле;
 Я только пению Петрова соплескал,
 Который звучною трубою,
 Сквозь мрачны веки. Путь герою
 В храм славы отверзал.
 Но мог ли б я и днесь быть чести сей достоин? [3, с. 120]

Размышляя над поставленным вопросом, поэт приходит к выводу, что на смену эпохе, когда великая личность могла реализовать себя лишь на военном поприще, приходит новое время, новые герои. И задача поэта теперь иная – воспевать завоевания мирной жизни: «Всеобщее дружество, любезность, просвещение, /Весь мир одной семьей и всюду век златой» [3, с. 121]. Прославление ратных подвигов больше не прельщает Дмитриева-сентименталиста, его привлекают иллюзорные картины «золотого века», плод «сладостной мечты», ради которой он клянется забыть «следы печальные геройства».

Список литературы

1. Вяземский П.А. Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева [Текст] / П.А. Вяземский // Дмитриев И.И. Стихотворения: в 2 ч. – СПб., 1823. – т. 1. – С. I–LII.
2. Державин Г.Р. Сочинения: в 7 т. [Текст] / Г.Р. Державин. – СПб., 1868–1887.

3. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений [Текст] / И.И. Дмитриев. – Л., 1967. – 502 с.

4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. [Текст] / А.С. Пушкин. – М., Л., 1937–1959.